

— Молодой господин Шесть! Молодой господин Шесть, с вами всё в порядке?! — Охранник поспешно заглянул за дверь, но увидел лишь густую траву и темноту, в которой невозможно было разглядеть, где находится человек.

— Молодой господин Шесть, где вы?!

Вдалеке дрожащая рука медленно поднялась, а голос, ругающийся, звучал всё так же бодро:

— Идиот! Я здесь! Быстро иди сюда и помоги мне, у меня шея затекла!

.....

Бай Линшэн лежал один на кровати, ворочаясь с боку на бок. Кровать Тан Чжаонина была большой, и он мог размахивать длинными ногами, не испытывая никаких неудобств.

Но как только он закрывал глаза, в голове автоматически проигрывались события прошлого вечера, которые было просто невозможно забыть.

В ту ночь ему приснился сон, очень, очень гармоничный сон. Из-за этого, проснувшись утром, он сидел на кровати, угрюмо теребя волосы, и долго не мог прийти в себя.

Поковырявшись некоторое время, он наконец отправился в ванную, где с удивлением обнаружил красный след на шее, оставленный вчера Тан Чжаонином.

Ха, ха-ха.

Бай Линшэн злобно выдавил пасту на зубную щётку, яростно почистил зубы, прополоскал рот и с шумом выплюнул воду, забрызгав раковину.

Но даже это не смогло унять его гнев. Он взял зубную щётку Тан Чжаонина и направился к туалету. Да, он был именно таким благородным мужчиной.

Однако, подойдя к унитазу, он замедлил шаг, задумавшись. Наконец, он вернул щётку на место. В конце концов, он был мужчиной-идеалом, и такие низменные дела, как чистка туалета, ему не подходили.

Утро в доме семьи Тан было элегантным и спокойным. В просторной гостиной с антикварной мебелью, ширмами, веерами и резными окнами солнечный свет преломлялся через глазурованную черепицу, создавая на белых стенах причудливые узоры. Даже самый бунтарский и необычный дядя Тан Цин, держа в руках фарфоровую чашку с синими узорами на белом фоне и одетый в старинный халат, спокойно читал газету.

Если бы не белый воротник на его шее.

— Идиот! Идиот! — На подставке у окна попугай беззастенчиво смеялся над ним. — Ха-ха-ха, идиот!

Тан Цин наконец не выдержал, обернулся и сердито крикнул:

— О ком это ты?!

— О тебе, идиот! — Попугай продолжал хохотать. — О тебе, идиот!

— Хочешь, я тебя зажарю?! — Тан Цин грозно замахнулся ножом и вилок.

Попугай в панике замахал крыльями и начал звать на помощь:

— Племянник! Племянник! Племянник! Племянник!

Тан Цин злорадно засмеялся, вертя в руках нож и вилку:

— Племянника сегодня нет! Ха-ха-ха...

— Дядя... — Внезапно сзади раздался голос Бай Линшэна. Тан Цин быстро обернулся, изображая добродушную улыбку. — Ха-ха, Линшэн, доброе утро.

Бай Линшэн с любопытством подошёл к клетке и спросил:

— Дядя, это попугай Тан Чжаонина? Очень умный.

Тан Цин смущённо ответил:

— Это мой попугай, его зовут Старый Будда.

— Имя... довольно интересное. — Бай Линшэн с трудом сдерживал смех. Действительно, питомец похож на хозяина, ведь манера звать племянника и ругаться была точно такой же. Однако он с недоумением посмотрел на шею Тан Цина. — Дядя, что с твоей шеей? У тебя затекла?

— Да! Именно затекла! Подушки в доме совершенно никуда не годятся, я сейчас же попрошу дядю Лу заменить её! — Тан Цин возмущённо воскликнул. Конечно, он не мог сказать Бай Линшэну, что упал с забора, подглядывая за племянником и его мужем.

Бай Линшэн с хитрой улыбкой посмотрел на него, взгляд его был полон понимания, но он ничего не сказал. Тан Цин неловко отвернулся, думая, что племянник явно испортил его муженька, ведь племянник — самый плохой.

— Кстати, есть кое-что, что я должен тебе сказать. — Тан Цин вдруг вспомнил что-то и снова повернулся. — Этот Ли Цзянь через несколько дней уезжает за границу на освоение новых земель, и, вероятно, долгое время не вернётся в страну.

Освоение новых земель? Бай Линшэн спросил:

— Куда?

— Ээ... — Тан Цин похлопал его по плечу, с серьёзным видом сказав. — Лучше тебе об этом не знать. Не волнуйся, мы занимаемся честным бизнесом. Если Ли Цзянь сможет хорошо справиться с работой, возможно, бизнес «Миндэ» расширится за границу. Возможности всегда идут рука об руку с рисками, к тому же он уже практически не мог оставаться в стране.

Действительно, после инцидента с Бай Линшэном репутация «Миндэ» сильно пострадала. В последнее время они ещё держались, но после того, как Ли Цзянь сам извинился, всё изменилось. «Миндэ» официально также извинился, и отец Ли Цзяня лично заявил, что это было личное поведение Ли Цзяня и не имеет отношения к «Миндэ». В такой ситуации жертвовать Ли Цзянем ради спасения «Миндэ» было неизбежным решением.

Бай Линшэн пожал плечами. Ли Цзянь был всего лишь искрой, которая разожгла внутренние конфликты в семье Бай. На данный момент Бай Линшэн считал, что урок был достаточно суров.

Тан Цин снова спросил:

— Кстати, в последнее время кто-то тайно скупает акции корпорации Бай, ты знаешь об этом?

Бай Линшэн взял несколько зёрен и бросил их в клетку:

— Дядя, разве ты тоже не скупаешь?

— Это я покупаю для тебя в качестве свадебного подарка, к тому же я купил совсем немного.

— В акциях корпорации Бай, Бай Цили контролирует 40%, Бай Цзинцзэ — 10%, скупка разрозненных акций недостаточна, это максимум может сравнить их доли. После разрыва сотрудничества между «Миндэ» и корпорацией Бай, проект развития Цинпинвань неизбежно зайдёт в тупик. Корпорация Бай временно не может выделить столько денег на строительство такого элитного жилого района. Но начальные вложения уже сделаны, и если они сейчас остановятся, это будет пустая трата. Поэтому они сейчас тайно ищут инвесторов. Дядя, если ты хочешь скупить акции, можешь начать отсюда.

Тан Цин всегда считал, что его племянник — удивительный человек. Сначала он легко раскрыл секреты Ли Цзяня, заставив его публично извиниться, а теперь... он знает действительно много.

— Хорошо, это легко, я гарантирую, что они не поймут, что это мы.

Бай Линшэн не особо разбирался в коммерческих делах, поэтому Тан Цин был идеальным помощником. Сейчас его больше волновало другое: Бай Цили заболел, но он не пошёл в больницу, а вместо этого стал приглашать врача домой.

Бай Линшэн почувствовал что-то странное и решил проверить этого врача. К своему удивлению, он обнаружил, что это психолог, и ещё христианин.

Раньше, когда Бай Линшэн ещё жил в доме семьи Бай, Бай Цили иногда ходил в церковь на службы, хотя и не часто, но жертвовал немало денег.

Теперь, подумав, Бай Линшэн понял, что Бай Цили не был набожным человеком и не отличался благотворительностью. Это было довольно странно. Возможно, он сделал что-то, чего стыдился, и поэтому искал утешение в религии.

Но... что именно?

Бай Цзинцзэ также заметил, что поведение Бай Цили в последнее время было странным, но он был слишком занят делами Цинпинваня, чтобы уделять этому внимание.

Бай Линшэн тоже был занят, он учился. Пропустив столько занятий, хотя преподаватели и проявили понимание, некоторые всё же были недовольны. Если бы он пропустил ещё, то точно бы провалился. Кроме того, Е Шэн наконец вспомнила об учёбе сына и настоятельно рекомендовала Бай Линшэну хорошо учиться.

Честно говоря, хотя Бай Линшэн и был актёром, он не особо разбирался в учебной программе. И, если говорить прямо, он был двоечником. Всё, что было написано в учебниках, будь то китайский или английский, он понимал с трудом, полагаясь на удачу. Поэтому чаще всего он прибегал к технологиям.

Технологии — это первая производительная сила!

Он чувствовал, что рождён для этого. Взломать школьную сеть за день до экзамена и посмотреть вопросы было просто восхитительно, это было чувство, будто все вокруг спят, а ты один бодрствуешь.

Одноклассники считали его гением, думая, что этот ленивый парень, который живёт за счёт своей внешности и завоевывает симпатии преподавателей, действительно был вундеркиндом. Обычно он не прикладывал особых усилий, но на экзаменах всегда показывал блестящие результаты.

Но Бай Линшэн столкнулся с новой проблемой.

Его, как он считал, идеальное произношение на занятиях получило лишь оценку В! В! Даже А не было!

<http://bllate.org/book/16590/1516113>